

Ноября 27 (10 декабря)

Преподобномученик
Иоасаф (Боев)

Преподобномученик Иоасаф (в миру Иван Васильевич Боев) родился 20 апреля 1879 года в Москве. Во время одного из арестов при требовании следователя рассказать о себе отец Иоасаф написал: «Я сын крестьянина Орловской губернии Малоархангельского уезда Красненской волости села Красного, родился в Москве в Красных Казармах 20 апреля 1879 года; отслуживши службу, отец поступил в Голицынскую больницу, где я и возрастал при окладе 7 рублей жалованья, при готовой квартире, отоплении и освещении. Семья состояла из пяти человек. Отец, мать, я – один сын, и две дочери. По бедности отец не мог мне дать образования, и я едва кончил два класса городского училища и был отдан на одиннадцатом году учиться сапожному мастерству. Как мне не хотелось быть сапожником! Я два раза бежал от подрядчика ввиду строгого отношения и побоев. Отец выпорол меня за побег и отправил опять в сапожную мастерскую, только к другому хозяину. Прослуживши у последнего четыре года, я вышел мастером из ученья и работал до двадцати одного года у разных хозяев. Но я не вмещал этой жизни ввиду пьянства и разврата, так как в праздники приходилось работать, а понедельник и вторник похмеляться; жениться у меня не было призвания, и я ушел в монастырь в сорока верстах от Москвы в Богородском уезде, под названием Берлюковская пустынь.

В 1912 году получил монашество с именем Иоасаф, в 1914 году в мае месяце был послан на экзамен во диакона к епископу Можайскому Димитрию (Добросердову. – И. Д.), жившему на Саввинском подворье по Тверской улице. На экзамене епископ Димитрий сделал мне предложение перейти к нему на службу, на что я согласился. По возведении меня в иеродиакона в Москве в Андроньевом монастыре архиепископом Владимиром, я был переведен на службу к епископу Димитрию на Саввинское подворье, где и служил до 1918 года, а потом был переведен в Никольский единоверческий монастырь в Москве у Преображенской заставы.

В 1921 году я был рукоположен во священника епископом Богородским Никанором в церкви этого монастыря, и в том же году я был мобилизован в тыловое ополчение, но как специалист по пчеловодству был освобожден от службы с тем, чтобы работать в Московском земельном отделе в качестве пчеловода, и был командирован на ферму “Бодрое детство” и назначен помощником заведующего Штильбаха.

В 1922 году пасека была перевезена в имение бывшего фабриканта Корзинкина за Пресненскую заставу. В том же году я был командирован земельным отделом в Уфимскую губернию за покупкой воска для выделки вошины для государственных пасек.

Приехавши в Уфу, я не мог приобрести такого количества воска и отправился по железной дороге по деревням искать воска. Доехавши до станции Мусалинка, я пешком пошел до близстоящего села Тюбилясь, где встретился с архимандритом Антонием, настоятелем бывшего единоверческого Воскресенского монастыря, который находится в шести верстах от разъезда. Единоверец, с которым я познакомился случайно в 1917 году, приезжал в Москву

на церковный Собор и временно останавливался в доме Саввинского подворья. Разговаривая с ним, я ему сказал, что с удовольствием переехал бы на Урал священником, так как раньше, бывши на Урале, я был восхищен природой. Он мне сделал предложение поступить в село Новая Пристань в восьми верстах от станции Сулия, но я отказался ввиду того, что состою на службе, но просил его не оставить меня в будущем.

В 1923 году заведующий пасекой Штильбах ушел со службы и я был поставлен на его место заведующим. В конце 1923 года пасека была ликвидирована, и я возвратился опять в монастырь.

В монастыре в это время было два священника, и мне было отказано в вакансии ввиду сложившихся трудных обстоятельств. Хотя я состоял в это время членом артели в Москве, где мною был внесен пай, но получить место я не мог и согласился быть сторожем в этом же монастыре, превращенном к этому времени в дом коммуну завода радио.

Весной мне было предложено комендантом Баберкиным принять фруктовый сад, как знакомому с садоводством, привести его в порядок, здесь я работал до июля месяца. В этом месяце я был приглашен церковной общиной в село Аратское в качестве священника. Это случилось таким образом. Архимандрит Антоний в 1924 году перешел из села Тюбелясь в завод Усть-Катавский и был назначен благочинным окружающих церквей, в том числе и села Аратского.

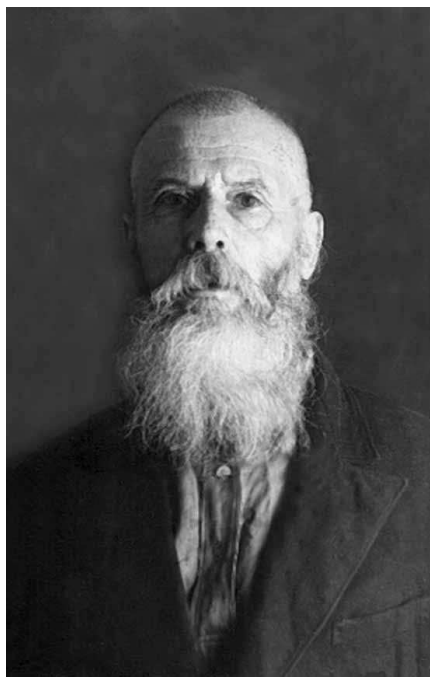
Село Аратское очень бедное, около двухсот дворов, вот они и обратились к благочинному, архимандриту Антонию, с просьбой назначить им священника одинокого, чтобы не так было трудно его содержать и ввиду квартирного вопроса, так как дом, в котором жил священник, был занят под школу. Архимандрит Антоний, вспомнив обо мне, предложил им послать протокол общего собрания о приглашении меня, на что я согласился и 20 июля 1924 года переехал из Москвы в село Аратское. Приехав в село Аратское, я обратил внимание на здание церкви, мне бросилась в глаза заржавленная крыша и неисправность печей в церкви.

Прожив месяц, я стал просить крестьян, чтобы они, согласно договору с советской властью, сделали ремонт в церкви. Получив ответ, что у них нет денег, я им указал на 7-ю статью договора с советской властью, что можно сделать добровольный сбор без принуждения, на что они согласились.

В первых числах января 1925 года они произвели добровольный сбор мукой, овсом и деньгами и пригласили меня, чтобы и я принял участие, на что я согласился. Узнав об этом, местная власть сбор арестовала, предъявив вину, что на сбор не было взято разрешения. Я и крестьяне извинились, что сбор был сделан не по гордости, а по незнанию. Я был арестован и отправлен в Катав-Ивановский завод для допроса, после допроса я был освобожден, и со сбора арест был снят. На собранные средства был произведен ремонт печей и покрашена крыша.

4 марта 1926 года умер священник Иванов в Симском заводе, и на его место симская община просила меня, на что я согласился, и 14 марта 1926 года переехал на жительство в Симский завод, и тут увидел ту же разруху в отношении здания храма, как и в селе Аратском. Весь отдавшись церковному делу, я просил симскую общину обратить внимание на церковное здание, которое им дано в бесплатное пользование согласно договору с советской властью, – с тем чтобы произвести ремонт. Тут же было приступлено к промывке купола и вставке

двадцати стекол в окнах, которые были забиты досками; этим же летом были переложены четыре печи в храме и заново были сложены две печи в алтаре и в сторожке.

*Архимандрит Иоасаф (Боев)
Москва. Таганская тюрьма. 1937 год*

25 октября 1926 года в Симский завод был приглашен на престольный праздник епископ Усть-Катавский Антоний (Миловидов. – И. Д.), который говорил проповедь на всенощной о пришествии антихриста и о последнем времени и кончине мира, где он в проповеди поминал о жидах и о печати антихриста. Через несколько дней после праздника я был приглашен в Симский сельсовет на допрос агентом Павловым, где мне было предъявлено обвинение, будто бы я заманиваю детей в церковь конфетами. Я действительно на другой день после праздника угощал у себя на квартире певчих, в том числе были и дети, которые пели в хоре. На вопрос Павлова, какую проповедь говорил архиерей, я ему ответил, что о пришествии антихриста и кончине мира. На это Павлов мне заметил, что епископ Антоний дипломатичный и очень тонкий человек, его проповеди надо понимать иначе, и, обратясь к председателю сельсовета, он сказал ему, что это говорено по поводу нас, как будто нам, коммунистам, конец.

20 июня 1927 года я был арестован уполномоченным ОГПУ Павловым и представлен в Златоустовский изолятор. На допросе 5 июля мне было предъявлено обвинение по 58-й статье в том, что занимаюсь контрреволюцией, будто я говорил с советом церкви, что коммунисты все жида и скоро им будет конец.

Происхожу из пролетарской семьи и уже двадцать семь лет как монашествую; я не потерпел от революции ничего, так как не имел никакого имущества. Клянусь своей честью, что я никогда не был контрреволюционером и не буду.

Теперь является мне вопрос, не страдаю ли я безвинно, потому что я никогда не говорил такой глупости в церкви с амвона, какую мне предъявляет обвинение...»

24 июня 1927 года состоялось общее собрание прихожан Дмитриевской церкви Симского завода. На собрании его председатель сообщил об аресте архимандрита Иоасафа. Присутствующие постановили избрать из среды верующих двух человек, которые должны обратиться с ходатайством к прокурору о скорейшем освобождении архимандрита Иоасафа, «так как он нужен группе верующих для совершения религиозных обрядов».

Отца Иоасафа между тем заключили в тюрьму в городе Златоусте. Во время допроса следователь спросил его:

– Откуда вы знаете и почему говорите крестьянам, что коммунисты одни жиды, советская власть представляет из себя антихриста и что скоро этой власти будет конец?

– Никогда никому я такого не говорил.

– Какие отношения у вас существуют с епископом Антонием и часто ли у него бываете, и вообще, куда выезжаете из Сима?

– За время своего нахождения я у епископа Антония был раз десять по церковным делам. Взаимоотношения у меня с ним хорошие. Бывал еще в городе Уфе у зубного врача и был не очень давно в Уфе у епископа Андрея (Ухтомского. – И. Д.), который меня приглашал проститься с ним перед отъездом в Москву. Последняя моя поездка была в деревню Мапояс, куда меня приглашали отпеть умершую женщину. Больше никуда не выезжал. В 1925 году был в Москве у Патриарха Тихона.

– Производили ли вы сборы среди крестьян без разрешения сельсовета?

– Производил в 1926 году на покупку церковной утвари, это было в Симу и было в селе Аратском в 1925 году. Собирали на ремонт церкви также без разрешения, за это на собранные продукты, муку, овес и деньги наложили арест, меня посылали в Катавский РИК, где разобрались, и меня отпустили. Кроме того, когда председатель сельсовета села Аратского сказал, что этого делать нельзя, то мы просили прощения и извинились. На заданные мне вопросы о моей агитации, критике советской власти и коммунистов, о том, что я якобы устраивал в церкви разные собрания верующих под видом службы, где говорил якобы против советской власти и где группировал вокруг себя кулачество, заманивал в церковь детей, и вообще будто бы сопротивлялся всем мероприятиям советской власти, – на это я категорически заявляю: ничего подобного не было, я такой глупости не говорил, никаких собраний не собирал – и добавляю, что мне мстить советской власти не за что. Также ничего нигде не говорил о расколе компартии, об отношениях с другими державами, почему иностранные державы не доверяют нам и так далее.

Спустя полтора месяца после ареста отца Иоасафа следователи стали допрашивать свидетелей, у которых надеялись получить показания, подтверждающие предъявленные священнику обвинения. Допросили кандидата в члены коммунистической партии Павла Зиновьева, который сказал: «Попа Боева я знаю с момента его приезда в село Аратское. За все время пребывания Боева в селе Аратском лично я за ним или от него не слышал ничего, вернее, может быть, и слышал, но не помню. От населения, особенно от верующих, я слышал, как они его одобряли, что это хороший батюшка, то есть крепко держится за религию. Часто слышал от советски настроенного населения о том, что Боев всегда говорит в церкви против советской власти и коммунистов, но точно не могу указать, так как я и сам мало обращал на это внимания. Но что Боев

был враждебно настроен против власти, я в этом уверен, но фактов указать не могу».

Допрошенный крестьянин Николай Мурыгин сказал: «Попа Боева я знаю с того времени, как он приехал в село Аратское. За все его пребывание в селе Аратском, как я от людей слышал, он всегда ругал советскую власть и коммунистов. Кто говорил мне это, я не помню, слышал я от людей его слова, что советская власть большими налогами задушила крестьянство. Однажды Боева вызвали в Сертивку в сельсовет, и один гражданин, фамилию не помню, спросил Боева: “Куда, батя, пошел?” Боев ответил, что “его требуют в Пилатову контору”, что означает сельсовет».

Была допрошена член коммунистической партии Александра Филиппович, которая сказала: «При обследовании работы среди женщин в Миньяре 3 мая сего года мне сказали, что священник в Симу Боев привлек на свою сторону пионеров, они сейчас ходят в церковь и поют, а священник им покупает за это пряники и конфеты. Когда я приехала в Сим и на собрании женского актива поинтересовалась этим вопросом, мне женщины рассказали, что у них в Симу учительницы религиозны, ходят в церковь и поют на клиросе и сумели привлечь часть учеников, из них есть пионеры. В привлечении ребят в церковь много помог учителям священник, так как он им покупает пряники, и ребята заинтересованы подачкой и бегут в церковь. Вот какой ответ я получила на интересующий меня вопрос. На мой вопрос, как на подарки попа реагируют женщины, мне сказали, что женщины ему очень симпатизируют, считают, что он очень хороший радатель для церкви, из своих денег он ребят угощает пряниками, и это говорит о его радении к приходу. Вот какие мне дали сведения на интересующие меня вопросы о симском священнике».

24 августа 1927 года следователь объявил архимандриту Иоасафу об окончании следствия и спросил, не желает ли он что-либо сказать в дополнение. Отец Иоасаф в ответ на это сказал: «Предъявленное мне обвинение я не признаю, прошу спросить верующих общины села Аратского, и главным образом бедноту, пускай они покажут о моих действиях. Признаю я только то, что делал совместно с крестьянами сборы в пользу церкви, но это было по незнанию, и когда нам было сказано, что мы делаем неправильно, то мы слушались и прекращали сбор».

В отношении того, что я якобы учил детей Закону Божьему, это я тоже отрицаю, никогда никого не обучал, за исключением того, что приходившим ко мне верующим давал для прочтения религиозные книги. Детей-пионеров я в церковь не привлекал, но был такой случай в прошлом году в октябре месяце: пионеры еще до моего прихода в церковь пели на клиросе, и после этого на другой или третий день эти певчие и несколько детей собрались у меня в квартире. Я их угощал чаем, конфетами и другими гостинцами. Кроме этого, я вообще давал детям денег, кому на карандаш, на тетрадку и так далее. После мне сказали, чтобы я ребятам не давал денег, что ребята на эти деньги покупают папиросы и курят. Я после этого ходил на почту и купил тетрадок, и когда у меня ребята просили денег на тетрадь, я давал готовые, купленные мной тетради. И вообще я многим помогал бедным, шел всегда навстречу, но никогда я не говорил детям, чтобы они не ходили в пионерский клуб, такого случая не было, и я это отрицаю. Проповедей антисоветского характера никогда верующим не говорил...»

После ответа священника снова были вызваны и допрошены свидетели. Свидетель Кирилл Хализов показал: «Из процесса моего личного наблюдения за

ходом церковной жизни я констатировал ряд характерных моментов следующего характера. До приезда в Симский завод священника Боева тяготение граждан к церкви было гораздо слабее, но с момента его приезда положение изменилось, церковь стали посещать помимо старух молодежь и различные служащие. Из разговоров с гражданами выяснялись такие факты, что он церковную жизнь настолько сумел улучшить, что даже коммунисты носят своих детей (тайком) крестить в церковь и так далее. Как человек он был весьма со всеми обходителен, хорошо изучил психологию человека, умел приспособливаться, и все это суммированное и послужило к завоеванию им симпатий со стороны граждан».

Вызванный в качестве свидетеля Александр Тюрин сказал: «Приехавший в Симский завод поп Боев оживил церковную работу и привлек на свою сторону даже тех людей, которые и в церковь не ходили. Он главным образом курс держал на более бедную часть населения и детей из бедняцких семей, которые состояли в пионерских отрядах, переманивая их к себе в церковь путем покупки конфет, платочков, платьев и так далее, давал им читать из церковной библиотеки религиозные книжки. Мной лично у двоих пионеров в школе отняты были книжки, о которых те говорили, что им их дал батюшка. Часто изъятие книг производили сами учителя. Я лично признаю такие поступки попа явно контрреволюционными. Помимо этого, у него на квартире систематически собирались группами как дети, так и взрослые. От граждан слышал, что батюшка читает очень хорошие проповеди».

Комсомолец Иван Брылкин показал: «Будучи членом бюро коллектива ВЛКСМ, я наблюдал такие факты. Арестованный ОГПУ поп Боев привлекал к себе путем покупки сладостей, платочков и так далее и даже деньгами пионеров, которые, благодаря этому, из отрядов уходили, сдавая галстуки и переходя в церковь. У нас была проведена на Пасху специальная кампания по борьбе с этим явлением, но реальных результатов получилось мало, и большой процент пионеров на Пасху был в церкви».

5 декабря 1927 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архимандрита Иоасафа к трем годам ссылки. Он был сослан в Тобольский округ. По окончании ссылки власти запретили ему проживание в восьми областях и обязали выбрать определенное место жительства, чтобы ОГПУ удобнее было за ним вести надзор.

Весной 1930 года архимандрит Иоасаф приехал в Уфу и стал здесь служить в Симеоновском храме. В ноябре 1931 года из Уфы в Москву отправился один из священников, намереваясь встретиться с епископом Андреем (Ухтомским), который в то время освободился из заключения и жил в Москве. При встрече епископ дал ему письма к верующим Уфы, а также попросил передать письмо священнику из Бугуруслана. Причем все письма имели церковный, лишенный какого бы то ни было политического содержания, характер. На обратном пути со священником в поезде познакомился агент ОГПУ, которому тот рассказал, что должен передать письма для священника из Бугуруслана. В Бугуруслане агент принял решение арестовать священника. Священник, увидев, чем окончился его разговор с попутчиком, попытался сначала бежать, а затем уничтожить письма, но был схвачен и арестован. ОГПУ сочло поездку священника с письмами весомым доказательством наличия в городе Уфе контрреволюционной церковной организации и арестовало в Уфе и ее окрестностях пятьдесят одного человека – одиннадцать священнослужителей, и в их числе архимандрит Иоасаф, двадцать восемь монахинь и двенадцать мирян.

ОГПУ выяснило, что при Симеоновском храме проводились беседы с верующей молодежью, а также широкая благотворительная деятельность. Обвиняемые, не находя в этой деятельности ничего предосудительного, и не отрицали ее. Одна из обвиняемых монахинь сказала: «Как я стала монашкой? С 1924 года я стала болеть активным туберкулезом легких и находилась, что называется, в безнадежном состоянии, ибо врачи даже отказывались лечить меня. Я дала обет, что, если вылечусь, приму тайный постриг в монашество. Действительно, я выздоровела и в 1930 году приняла тайный постриг в монашество. Моя религиозная деятельность заключается в том, что я два раза проводила религиозные беседы с верующими в Симеоновской церкви, имея целью укрепление религиозности среди верующих. На этих беседах бывало большое количество верующих, в том числе и молодежь... Знаю о благотворительной деятельности при Симеоновской церкви, которая заключалась в следующем. При церкви имелась специальная кружка для бедных. Собранные деньги расходовались на устройство бесплатных обедов в церкви для бедных и нуждающихся. От верующих принимались пожертвования, на кои делались передачи и отправлялись посылки заключенным и ссыльным церковникам... Посылки и передачи заключенным и ссыльным церковникам имели своей целью утешить и морально поддержать их, что я со своей стороны считаю христианским долгом...»

Одна из свидетельниц показала: «Монах Иоасаф Боев систематически проводил у себя на квартире беседы с молодыми девушками, организовав кружок в количестве до двенадцати человек, которых обрабатывал в противосоветском духе. Когда я бывала на таких беседах осенью прошлого года, то слышала от него следующее: “Вы, молодежь, позабыли веру и Бога, стали увлекаться комсомолом, разными безбожными увлечениями, не стали посещать храмов Божиих, принимать Святые Тайны. Но помните, что если вы не будете веровать в Бога, то погубите свои души. Ведь все эти ваши увлечения есть соблазн сатаны. Кто не хочет погубить своих христианских душ, должен немедленно стать настоящим христианином”».

Другая посетительница религиозных бесед показала: «Про архимандрита Иоасафа... могу сообщить следующее: с весны сего года по приезде из ссылки Иоасафа в Уфу он стал обрабатывать молодежь в противосоветском духе под видом “религиозного воспитания благочестия”. Дело это практиковалось таким образом: в доме, где проживал Иоасаф, собиралась постоянно молодежь, главным образом девушки из рабочих и служащих, где была несколько раз и я, которым Иоасаф внушал остерегаться коммунистического, комсомольского и советского вообще влияния и воспитания, доказывая, что во всех этих организациях существует только один блуд и грех, что нужно крепко веровать в Бога, посещать аккуратно церковные службы, чаще исповедоваться в грехах и так далее. Про советскую власть он отзывался как о временной победе антихриста на земле, который повсюду сеет безбожие и хочет погубить христианские души. Запугивал нас грехом перед Богом и муками ада на том свете, если мы отступим от веры в Бога и пойдем по пути с безбожниками – коммунистами и комсомольцами. Как-то летом сего года он, встретив меня, стал упрекать и запугивать, говоря: “Ты не стала ходить в церковь, превратилась в безбожницу, но помни, что плохо будет тебе, будешь большой грешницей и понесешь мучения на том свете. Не думай, что современное безбожие в лице советской власти будет долго существовать и распространять корни среди христианства. Господь этого

никогда не допустит и сокрушит власть сатаны”. Тут же он для спасения души предложил мне ходить петь в церковном хоре и предложил постричь в монашки”».

Вызванный на допрос, архимандрит Иоасаф, отвечая на вопросы, сказал: «В 1930 году, действительно, иногда заходили девушки, среди которых я постоянно говорил о необходимости сохранения ими религиозной нравственности, чтобы не забывали веру в Бога, твердо веровали и жили согласно евангельскому учению... Виновным себя в антиколхозной агитации я не признаю и за другими подобной агитации не замечал...»

По окончании следствия архимандриту Иоасафу было предъявлено обвинение в том, что он «возглавлял контрреволюционную организацию церковников, которая под флагом защиты Церкви проводила контрреволюционную деятельность... Совместно с другими обвиняемыми во время ночных нелегальных сборищ в Семеновской церкви среди верующих крестьян – приезжих из окрестностей Уфы – под видом “благочестивых” бесед агитировал: “В колхозы вступать не нужно, так как там царит мрак безбожия и греха, нужно твердо верить и защищать религию от нападков безбожников...” Организовал “кружок молодежи” из девушек в количестве 10-12 человек, с которыми проводил беседы у себя в квартире в целях обработки таковых, в противовес коммунистической и комсомольской идеологии, внушая: “Остерегайтесь влияния коммунистов и комсомола, там один блуд и грех, нужно твердо верить, советская власть хочет погубить христианские души, всех отступников от Бога ожидают муки ада на том свете”. Состоял в нелегальном Братстве помощи политссыльным и церковникам, призывал верующих оказывать материальную помощь политссыльным».

13 апреля 1932 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архимандрита Иоасафа к трем годам заключения, которое он отбывал в Красно-Вишерских исправительно-трудовых лагерях. После возвращения из заключения отец Иоасаф служил в храме на Таганке в Москве, а затем в апреле 1937 года переехал в село Никольское Звенигородского района Московской области и служил в Никольском храме.

27 ноября 1937 года архимандрит Иоасаф был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. На допросах отец Иоасаф категорически отказывался признавать себя виновным и говорил: «Виновным себя в проведении контрреволюционной деятельности, направленной против советской власти, не признаю».

5 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила его к расстрелу. Архимандрит Иоасаф (Боев) был расстрелян 10 декабря 1937 года и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Составитель игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века
Московской епархии. Ноябрь»
Тверь, 2003 год, стр. 289-301.

Библиография

ГАРФ. Ф. 10035, д. П577325.

Архив УФСБ РФ по Челябинской обл. Арх. № П58761.

Архив КГБ Башкортостана. Арх. № 3180.

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 428-437.